

Краткий доклад Московской Хельсинкской группы о положении с правами человека в Российской Федерации в 1997 году

В 1997 году наиболее существенное изменение в области прав человека в лучшую сторону – это отсутствие военных действий в Чечне, поскольку эти военные действия сопровождались массовыми нарушениями прав в особо жестоких формах – лишение жизни, увечья, грабежи, уничтожение жилья, заключение в фильтрационные лагеря и т.д.

Другое важное улучшение – начавшееся в 1997 году погашение задолженности по пенсиям, различным видам социальных пособий и заработной плате. К 1 июня Правительство РФ ликвидировало задолженность по пенсиям и пособиям, к 1 сентября – по заработной плате военным и начало выплату задержанной зарплаты учителям, врачам и другим категориям работников, получающим заработную плату из государственного бюджета. Правительство обязалось погасить задолженность им до 1 января 1998 года.

Нужно отметить также, что в 1997 году РФ подписала, наконец, Шестой протокол к Европейской конвенции по правам человека о запрещении смертной казни. Хотя смертная казнь до сих пор не запрещена в России законодательно, но действует мораторий на вносимые судами смертные приговоры.

Президент Борис Ельцин издал Указ об объявлении 1998 года годом прав человека в РФ (в честь 50-летия Всеобщей Декларации прав человека). Согласно этому Указу, был создан Национальный комитет по проведению Года прав человека в РФ. По инициативе московских правозащитников Национальный комитет ходатайствовал перед Президентом об отмене двух его указов: 1) разрешавшего правоохранительным органам задерживать граждан по подозрению в совершении преступления сроком на 30 суток без предъявления обвинения и 2) разрешавший выдворение людей, не имеющих постоянной регистраций по месту жительства.

К сожалению, других существенных улучшений в области прав человека в 1997 году не отмечено. При этом произошли существенные отступления в законодательной сфере. Федеральное собрание приняло закон «О свободе совести и религиозных организациях», явно нарушающий конституционные гарантии свободы совести и равенства граждан перед законом независимо от их вероисповедания. Новый закон водит правила регистрации религиозных организаций, делящие их на несколько категорий. Наиболее благоприятные условия регистрации получила Русская православная церковь, ислам, буддизм и иудаизм. Менее благоприятные – католики и протестанты, и особо неблагоприятные – нетрадиционные для России религиозные объединения, такие, например, как последователи Бога Кришны. Кроме того, закон ограничивает проповедническую и просветительскую деятельность всех религий, разрешая распространение этой деятельности лишь на «последователей», т.е. этот закон вводит запрет на привлечение в лоно любой религии новообращенных.

Свобода совести была одним из немногих конституционных прав, действительно претворенных в жизнь в РФ. Закон 1997 года уничтожает это завоевание российской демократии.

Столь же серьезным отступлением от уже существующих демократических норм грозит принятие нового Уголовно-процессуального кодекса, который прошел первое чтение в Государственной Думе. Новый УПК, если не удастся

приостановить его принятие или внести в него принципиальные поправки, уничтожит те немногие изменения в судебной системе в сторону ее демократизации, которые были достигнуты в 1990-е годы.

Наблюдается отступление еще от одного важного завоевания российской демократии: во многих регионах областные управления юстиции практически прекратили регистрацию новых общественных организаций или жестко ограничили возможности такой регистрации, ужесточив требования к регистрации настолько, что зарегистрироваться удается лишь отдельным особо упорным объединениям. Особенно трудно получить регистрацию свободным профсоюзам. Так, в Воронеже и Воронежской области в течение 1997 года не был зарегистрирован ни один из претендовавших на регистрацию свободный профсоюз. В Рязани отказывают в регистрации профсоюзу швейников. Более того, многие областные управления юстиции пересматривают выданные ранее регистрационные свидетельства и уведомляют организации об их аннулировании. Это относится по большей части к общественным объединениям, позволяющим себе критику властных органов и влиятельных официальных лиц или как-либо еще неудобных для властей, в том числе правоохранительным органам.

Ниже рассматривается положение с правами человека наименее защищенных категорий населения РФ:

- беженцы и вынужденные переселенцы;
- задержанные и заключенные;
- призывники и солдаты срочной службы;
- журналисты и другие работники средств массовой информации;
- дети;
- наемные работники;
- активисты правозащитного движения.

Беженцы и вынужденные переселенцы

(раздел написан по брошюре «Беженцы и вынужденные переселенцы на территории РФ», изданной Правозащитным центром «Мемориал» (Издательство «Звенья», М., 1997)

Федеральная миграционная служба РФ оценивает общее число переселившихся в Россию с 1992 года в 3 миллиона человек, однако большинство этих людей не получили статуса беженцев или вынужденных переселенцев из-за соответствующей политики российских властей. К началу 1997 года ФМС зарегистрировала 590 тысяч лиц, переместившихся внутри РФ (из Чечни и Ингушетии), 920 тысяч лиц – из других стран на территории бывшего СССР. Управление по беженцам Верховного комиссара ООН зарегистрировало в РФ 46,5 тысячи беженцев из дальнего зарубежья, хотя по разным оценкам в РФ находится от 100 тысяч до 300 тысяч только афганцев.

В 90 центрах временного размещения проживает 29 тысяч человек. Остальные устраиваются сами.

В 1997 году имел место значительный прогресс в развитии и конкретизации правовой базы в отношении беженцев и вынужденных переселенцев – был принят Закон РФ «О внесении изменений в Закон РФ «О беженцах», в котором определение «беженец» приведено в соответствие с Конвенцией 1951 года о статусе беженцев. Прежде беженец определялся как лицо, покинувшее свою

страну в результате преследований. Теперь это «лицо, которое не может вернуться в свою страну из-за опасений преследования». Благодаря этому изменению подпали под категорию беженцев, например, афганцы, приехавшие в Россию на учебу до переворота 1992 года.

Новый закон устраняет многие трудности получения статуса беженцев. Однако и после его принятия в России нет полноценного статуса беженца, поскольку этот статус не является постоянным, а требует систематического продолжения, причем правила получения и продления этого статуса различаются по регионам. До сих пор нет беженского удостоверения единого образца.

Главной проблемой беженцев и вынужденных переселенцев в РФ остаётся практическое невыполнение закона «О беженцах». В действиях территориальных миграционных служб и других органов власти просматривается установка не на защиту мигрантов, а на защиту ложно понятых интересов государства и «своих» граждан от мигрантов. Многие подзаконные акты федеральных и местных властей, определяющие положение беженцев и вынужденных переселенцев, направлены на затруднение их регистрации, обеспечения жильем, работой, медицинской помощью, даже на затруднение приема в образовательные учреждения, в том числе детям в начальную и среднюю школы. Не менее 30 российских регионов ввели различные ограничения на прием мигрантов.

Дискриминационными являются, в частности, подзаконные акты и практика московских властей. Так, в Москве Комитет труда и занятости отказался ставить на учет и направлять на курсы переквалификации безработных беженцев и вынужденных переселенцев, не имеющих регистрации в Москве, а такой регистрации не имеет большинство мигрантов из-за препятствий, чинимых им в этом московскими властями.

В 1997 году прошла серия судов по выселению беженцев из пансионатов, гостиниц, общежитий, где они были поселены по прибытию в Москву в 1990-1991 годах. Выселения начались после приватизации этих зданий. Истцами выступают новые хозяева, и суды решают эти дела в их пользу на основании подзаконных актов московской мэрии, хотя должны при этом руководствоваться не местными постановлениями, а законами РФ и Конституцией. До сих пор эти насильственные выселения удается предотвратить только с помощью правозащитников, которые по каждому сигналу о выселении выезжали на место и становились буквально стеной, не давая выкинуть беженцев из их жилья.

Известно много случаев задержания на улицах Москвы «лиц кавказской национальности», не имеющих регистрации в Москве. Их штрафуют на крупные денежные суммы без выдачи квитанций о получении штрафа, а при отсутствии денег для его уплаты отбирают документы, задерживают и сажают в камеру предварительного заключения в милиции. Шестнадцатилетнего беженца из Баку Анвара Алиева, проживающего в Москве у дяди с 1990 года, трижды останавливали на улице и каждый раз штрафовали в тот короткий период, когда его дядя менял квартиру и поэтому у Анвара не было соответствующей отметки об адресе его регистрации в паспорте.

Постановление Правительства РФ номер 290 от 12 марта 1997 года распространило правила о регистрации российских граждан на всех граждан бывшего СССР, но московские власти не выполняют этого постановления и поборы продолжают.

Имеются случаи отказа в приёме в школу детей беженцев, даже имеющих статус беженцев. Так, дети из беженских семей Сафарянов и Кафиевых получили отказ в

приеме в школу Одинцовского района Московской области, и только после статьи в «Общей газете» 2 января 1997 года дети были приняты в школу. Известны случаи отказа в медицинской помощи беженцам, не имеющим постоянной регистрации в Москве. Однако эти проблемы часто решаются врачами в пользу беженцев.

Москва не единственный регион, где грубо нарушаются прав беженцев и вынужденных переселенцев. Другой вопиющий пример – Краснодарский край, куда в 1989–1990 гг. переселилось около 13 тысяч турок-месхетинцев, спасавшихся от этнических погромов в Ферганской и Ташкентских областях Узбекской ССР. По российскому законодательству они являются гражданами РФ, так как были гражданами СССР, жили на территории РФ в момент создания этого государства и не имели иного места жительства за пределами РФ и не отказывались от российского гражданства. По закону эти признаки необходимы и достаточны для российского гражданства. Однако власти Краснодарского края, с одной стороны, с 1989 года не предоставляют туркам-месхетинцам постоянную регистрацию, а с другой – не признают их гражданами РФ именно вследствие отсутствия у них постоянной регистрации, хотя в законе РФ «О гражданстве» не упоминается постоянной регистрации в качестве показателя постоянного проживания, в то время как в Ростовской области, куда переселились 14 тысяч турок-месхетинцев, они получили постоянную регистрацию и стали гражданами РФ. В сентябре 1997 года Правозащитный центр «Мемориал» направил Президенту Ельцину письмо о положении турок-месхетинцев в Краснодарском крае. В письме указывается, что «краснодарские краевые власти преднамеренно и систематически ущемляют права лиц турецко-месхетинской национальности именно в силу их этнической принадлежности, добиваясь выезда этой группы с территории региона». Правозащитники квалифицируют эту деятельность как запрещённую статьей 19, пунктом 2 Конституции РФ и содержащую состав преступления, предусмотренного статьей 136 Уголовного кодекса РФ («нарушение равноправия граждан»). Но Министерство по делам национальностей и региональной политике самоустранилось от решения этой проблемы.

Следует выделить положение особой группы беженцев и вынужденных переселенцев – политических эмигрантов из стран Центральной Азии, из Грузии и Азербайджана. Никто из них до сих пор не имеет статуса политических беженцев, несмотря на очевидность политических причин, по которым они покинули свои страны.

Спецслужбы Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана провели целую серию акций по устранению политэмигрантов из этих стран, обосновавшихся в Москве, прибегая к угрозам и избиениям. Эти акции проводились и в прежние годы, но при этом явно не ставились в известность о них правоохранные органы РФ. Тревожный симптом 1997 года состоит в том, что к этим действиям спецслужб Узбекистана и Таджикистана явно подключались российские правоохранные органы. В июле был задержан политэмигрант из Узбекистана Абдухаттах Маннапов. Он был задержан в офисе Информационного бюллетеня Общества содействия соблюдению прав человека в Центральной Азии ОМОНовцами и доставлен в ближайшее отделение милиции. Только вмешательство правозащитников помогло его освобождению. Журналист Альберт Мусин был задержан правоохранными органами Москвы по требованию властей Узбекистана 21 февраля 1997 года и более месяца находился в камере предварительного заключения милиции.

О положении журналистов

(по материалам мониторинга Фонда защиты гласности о нарушениях прав журналистов в РФ)

При сравнении материалов мониторинга о нарушении прав журналистов в 1997 году с аналитическим докладом Фонда на ту же тему за 1996 год можно сделать вывод, что положение в этой области существенно не изменилось. Единственный положительный сдвиг – сокращение случаев гибели журналистов – объясняется прекращением военных действий в Чечне. Но и в 1996 году лишь пятеро из 19 погибших были убиты в зоне войны, а захват заложников в Чечне продолжается. В 1997 году заложниками там оказались журналисты телеканала НТВ Елена Масюк и двое ее спутников, а также журналисты Агентства ИТАР-ТАСС Николай Загойко, корреспондент радио «Россия» Николай Мамулашвили и оператор спутниковой связи Лев Зельцер. Но акты насилия над журналистами территорией Чечни не ограничиваются. Так, в Воронеже при переходе улицы была сбита автомашиной директор телекомпании «Дон» Антонина Лукина. Когда она упала, другой автомобиль переехал ее. Оба водителя скрылись. Лукина через час скончалась в больнице. Это не единственный случай гибели журналиста в 1997 году, но почти во всех случаях трудно установить, было ли это расправой за журналистскую деятельность либо это преступление на бытовой почве или в связи с какой-то побочной деятельностью погибшего.

Зафиксированы случаи избиения журналистов. Так, в Москве милиционеры из 14 отделения милиции избили независимого журналиста Валерия Никольского, который готовил материал о преследовании кавказцев в Москве. Милиционеры взломали дверь квартиры, в которой находился Никольский, отняли у него кассету с записью его переговоров с милицией и избили его.

Правоохранительные органы, случается, прибегают к задержанию журналистов, чтобы прекратить журналистские расследования. Так, 14 января 1997 года был задержан в своей квартире редактор отдела расследований газеты «Московский комсомолец» Александр Погонченков. У него произвели обыск и он был подвергнут допросу следователем Таганской межрайонной прокуратуры Анатолием Жуком после того, как в «Московском комсомольце» была опубликована серия статей об убийстве предпринимателя Гольцева. Это убийство расследовал А. Жук. Публикации «Московского комсомольца» способствовали развалу версии Жука об этом преступлении.

Используют свои должностные возможности против журналистов не только сотрудники правоохранительных органов, но и другие государственные чиновники, чаще всего – для лишения журналистов доступа к информации. Корреспонденту газеты «Кузнецкий край» Валерию Хлопотову, представлявшему областные средства массовой информации в городе Прокопьевске, был закрыт доступ к официальной городской информации по распоряжению мэра города Александра Романько без объяснения причин этого запрета. Закрывают доступ к информации даже судьи. Судья Елена Курнева (Солнцевский районный суд города Москвы) предложила покинуть зал судебного заседания журналистке «Общей газеты» Анне Политковской при рассмотрении дела о выселении из общежития беженцев из Баку. Это случилось после того, как Политковская в выступлении по телевидению осудила выселение беженцев.

Отказ журналистам в доступе к информации – широко распространенное явление в РФ. Мониторинг Фонда защиты гласности зафиксировал такие случаи в Воронеже, Ростове, Тамбове, Шарыпово (Красноярский край) и в Москве.

В марте 1997 года Государственная Дума РФ приняла постановление о приостановке на месяц аккредитации в Думе журналистов ОРТ, сочтя необъективным отражение обсуждения законопроекта об ограничениях на распространение продукции сексуального характера. Это постановление было оспорено в суде 25 марта. Верховный суд РФ признал его недействительным. А 7 марта журналисты газеты «Московские новости» не были допущены на расширенное заседание Правительства РФ после критики в «Московских новостях» работы пресс-службы правительства.

Нередки случаи административного давления на журналистов, вплоть до увольнения с работы. Так, в городе Белый Тверской области редактор «Бельской правды» Татьяна Казакова была уволена по распоряжению главы администрации города, а в городе Саяногорске (Хакасия) власти неоднократно увольняли главного редактора газеты «Огни Саян» Ивана Соколова после того, как суд в очередной раз восстанавливал Соколова на его должности.

Серьезную проблему для российских журналистов представляют иски к ним о защите чести и достоинства со стороны официальных лиц в ответ на критические выступления в их адрес. Причем зачастую истец не только требует публикации извинения и опровержения неприятных для него сведений, но и большую денежную компенсацию. Командующий Северным флотом Олег Ерофеев требовал через суд от авторов статьи в газете «Час пик» (Санкт-Петербург) 75 миллионов рублей в возмещение морального ущерба за статью, в которой Ерофеев обвинялся в причастности к гибели двух подводных лодок. В Воронеже консультант областной Думы потребовал через суд с главного редактора газеты «Воронежский курьер» 5 миллионов рублей по иску о защите чести, достоинства и деловой репутации. Губернатор Хабаровского края Виктор Ишаев подал такой же иск на редактора газеты «Хабаровский экспресс» и потребовал 25 миллионов рублей за причиненный моральный ущерб. В Москве Басманный межмуниципальный суд по иску министра внутренних дел Куликова взыскал 1 рубль с генерала Александра Лебеда и 100 миллионов рублей с издательского дома «Аргументы и факты» за статью с критикой Куликова (Московский городской суд не отменил это решение, но снизил размер компенсации до 100 тысяч рублей).

Решения суда в пользу сановных истцов далеко не всегда означают их действительную правоту. «В нашей стране все еще сохраняется неспособность и нежелание некоторых лиц примириться со свободой мысли, слова и массовой информации. Нередко срабатывают прежние стереотипы отношений власти со средствами массовой информации, стремление управлять, подчинить их своей воле, используя при этом все возможные формы и методы давления. И суды порой способствуют этому, удовлетворяя иски», -- указано в аналитическом докладе Фонда защиты гласности по результатам мониторинга нарушений, связанных с деятельностью СМИ в 1996 году. В 1997 году это утверждение остается в силе.

Пенитенциарная система

(по материалам прессы и статистическим данным, предоставленным Центром содействия реформе уголовного правосудия)

На 1 июля 1997 года в учреждениях пенитенциарной системы РФ содержались 1 017 848 заключенных.

Особую тревогу вызывает состояние СИЗО и условия содержания в них. СИЗО, как правило, расположены в убогих древних зданиях, построенных в прошлом веке или начале нынешнего, термах, монастырях, казармах и даже конюшнях.

Г-н Нейджел Родни, специальный докладчик Комиссии ООН по пыткам, посетил российские СИЗО в 1994 году и назвал условия содержания в них пыточными. С тех пор там мало что изменилось и кое-какие из этих изменений произошли в худшую сторону. Вот некоторые данные о СИЗО за 1997 год.

Лимит наполнения имеющихся в РФ СИЗО и тюрем составляет 182358 заключенных. Исходя из того, что там содержится 273367 человек, это дает 150% наполнения, но это в среднем по стране. В некоторых СИЗО превышение лимита наполнения еще больше. В СИЗО № 1 в Саратове, здание которого построено два века назад и рассчитано на 1 тысячу человек, в феврале 1997 года содержалось 2800 заключенных. В СИЗО города Пермь, рассчитанного на 2 тысячи человек, содержится 6 тысяч человек. В московском СИЗО «Бутырки» содержится более 6 тысяч человек, хотя эта тюрьма рассчитана на половину такого количества. В Екатеринбурге в СИЗО содержится 9 тысяч человек при том, что если бы каждому предоставлялась определенная законом норма в 4 кв. метра на одного заключенного, тюрьма эта вмещала бы 3200 человек.

Программа строительства новых тюрем, принятая в 1994 году и рассчитанная на 7 лет, выполнена лишь в малой степени к началу 1997 года из-за постоянной нехватки денег на строительство. К началу 1997 года было построено всего лишь 4 новых здания на 4200 камерных мест. Поэтому стали создавать учреждения, функционирующие в режиме СИЗО, на базе трудовых лагерей. В Красноярском крае создали такие помещения в 5 лагерях, и благодаря этому несколько разгрузили СИЗО № 1 в Красноярске, здание которого было построено еще в прошлом веке.

Недопустимая переполненность СИЗО еще сказывается и на питании заключенных. Так, Саратовскому СИЗО № 1 полагается получать на ежедневный рацион содержащихся там подследственных 8 миллионов рублей, а выдается лишь 58 процентов этой суммы.

Невероятная скученность, духота создают недопустимые антисанитарные условия. В сочетании со скудным питанием это – благодатная почва для эпидемий – чесотки, венерических болезней и особенно туберкулеза. Проблема туберкулеза в местах заключения возникла несколько лет назад, но в 1997 году весьма усугубилась.

В Тамбовском СИЗО число больных венерическими болезнями и туберкулезом возросло по сравнению с 1996 годом в 11 раз! В Пермском СИЗО за 1996 год было выявлено 300 больных туберкулезом. Медицинско-санитарная часть этого СИЗО рассчитана на 40 человек, в 1997 году там содержалось 120 больных, остальные находились в общих камерах.

В специализированном лагере для больных туберкулезом осужденных, который расположен в Нижнем Тагиле, при его вместимости 213 мест находится более 1000 человек. Во всех палатах и в коридорах койки выстроены в два-три яруса, а тем, кому не хватает спальных мест, на ночь ставят раскладушки.

Переполненности соответствует некалорийное питание, нехватка медицинских препаратов и дезинфицирующих средств, отсутствует рентгеновский аппарат. «Туберкулезная больница для заключенных не способна выполнять функции лечебного учреждения» - такое заключение сделал посетивший ее журналист

газеты «На смену» (Екатеринбург). Заключение, которым не хватило места в больницах, продолжают находиться в общих камерах СИЗО, где они не получают почти никакой медицинской помощи. Так, в Саратовском СИЗО, где в феврале 1997 года содержалось 180 больных туберкулезом, из 9 наименований медикаментов, необходимых для лечения этой болезни, имелось только 2.

Вследствие всего этого места заключения стали очагами распространения эпидемии туберкулеза по РФ. Процент больных туберкулезом среди заключенных намного выше чем в среднем по стране. По данным Министерства здравоохранения на 1 июля 1997 года, заболеваемость туберкулезом в пенитенциарных учреждениях в 40 раз выше, чем в среднем по стране, и смертность больных в 15 раз выше.

Переуплотненность СИЗО в большой степени объясняется длительностью следствия, что особенно недопустимо по делам о незначительных правонарушениях. Так, в трех СИЗО – тульском, новомосковском и бельском – в феврале 1997 года содержались 747 заключенных, длительное время ожидавших решение суда, среди них 506 человек находились в СИЗО более полугода, 177 человек – более года и 64 человека – более полутора лет. Среди этих «долгожителей» СИЗО – человек, угнавший автомобиль; укравший корову, которую вскоре нашли и возвратили хозяину; человек, укравший кошелек с 84 тысячами рублей (приблизительно 12 долларов США). Средняя продолжительность содержания под стражей до суда в СИЗО составляет по РФ от 9 до 11 месяцев, и лишь в отдельных регионах – до 5 месяцев.

При вступлении в Совет Европы РФ обязалась гуманизировать свою уголовно-исправительную систему, в том числе СИЗО и условия содержания в них. Однако до сих пор эти обязательства выполнены в ничтожно малой степени.

Положение в армии

(по материалам Комитета солдатских матерей России и Фонда «Право матери»)

Ни КСМР, ни ФОНД ПМ не отмечают улучшения в положении солдат срочной службы в армейских частях в 1997 году по сравнению с предыдущими годами (кроме, конечно, того, что закончились военные действия в Чечне и оттуда перестали приходить сообщения о гибели солдат во время военных действий). В КСМР в течение 1996-1997 годов поступило более тысячи обращений от военнослужащих или их родственников с жалобами на жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение со стороны офицеров или сослуживцев. Исходя из этих жалоб, КСМР констатирует, что «подвергнуться пыткам рискует каждый из 1 миллиона 18-20-летних молодых людей в течение 24 месяцев военной службы по призыву на всей территории России, а также в местах дислокации российских войск на территории других государств. В Фонд «Право матери» обратились родители 20 военнослужащих, погибших в 1997 году в «мирных частях».

В Государственной Думе в 1997 году рассматривался Закон «О воинской обязанности и военной службе». В третьем чтении в ст. 20 этого закона было внесено изменение, серьезно ужесточающее правила призыва для сыновей из семей, уже потерявших сына во время прохождения срочной службы в армии. В прежней редакции эта статья гласила, что право на освобождение от призыва на военную службу имеет гражданин, «родной брат которого погиб или умер во время прохождения военной службы по призыву». В новом законе статья 20 заменена статьей 23, которая гласит: «от призыва на военную службу освобождаются граждане в случае гибели отца, матери, родного брата, родной

сестры в связи с исполнением ими обязанностей военной службы». В этой редакции при расширении списка погибших родственников фактически сохраняется круг тех, кто может получить отсрочку, потому что она дается не по факту гибели солдата в армии, а получение отсрочки ставится в зависимость от официальной формулировки причины гибели солдата. Фонд «Право матери» утверждает, что лишь в 15 процентах случаев гибели солдат во время прохождения срочной службы родственники получают сообщение о гибели с формулировкой «погиб при исполнении служебных обязанностей», а в большинстве случаев причинами указываются самоубийство, болезнь, несчастный случай и т.д. Эти формулировки и родственники, и общественные организации часто ставят под сомнение и находят подтверждение этим сомнениям. Таким образом, по новому закону, если мать уже потеряла одного сына, призванного на срочную службу, и получила сообщение, в котором указаны ложные, по ее убеждению, причины гибели, она должна послать в ту же армию своего второго (обычно последнего) сына.

В 20 обратившихся в Фонд «Право матери» семьях военнослужащих, погибших в 1997 г., трое были единственными сыновьями. Во многих семьях есть сыновья, которые тоже будут призваны в армию в соответствии с новым законом о воинской службе.

Вот наглядные примеры.

Михаил Подкопаев из города Кимовска Тульской области был призван 11 декабря 1996 года, служил в воинской части 2143 Пограничных войск. Погиб 22 августа 1997 г., т.е. через 8 месяцев после призыва. Официальная версия – самоубийство. Не единственный сын в семье.

Александр Белокопытов из Белгорода был призван 4 декабря 1996 года. Служил в воинской части 9785 Б, в комендантской роте погранвойск в Ленинградской области. Погиб 9 июля 1997 года, через 7 месяцев после призыва. Официальная версия – самоубийство, но на теле четыре огнестрельных отверстия. В семье есть младший сын.

Преследования правозащитников

(по материалам Центра содействия реформе уголовного правосудия и Правозащитного центра «Мемориал»)

В 1997 году стала очевидной наметившаяся ранее тенденция арестов правозащитников в российских регионах. Все случаи таких арестов, зафиксированные московскими правозащитными организациями в 1997 году, приходятся на особую категорию активистов правозащитного движения – общественных защитников. Это люди, выступающие в судах по поручению правозащитных организаций, бесплатно или за мизерную плату, в случаях нарушения прав граждан государством или его чиновниками. Все известные случаи таких арестов сопряжены с выступлениями общественных защитников, задевающими интересы сотрудников правоохранительных органов и/или судей.

Первый такой случай был зафиксирован в 1996 году. В Омске 29 ноября был арестован общественный защитник Юрий Шадрин, который неоднократно публично свидетельствовал о нарушении законности рядом судей города Омска. Шадрину предъявили обвинения: (1) угроза судье и (2) дорожно-транспортное нарушение, а также открыли вновь уголовное дело, возбуждавшееся против него в 1992 году, но закрытое тогда же за отсутствием состава преступления. Ни одно из предъявленных Шадрину обвинений не предполагает содержание под стражей

до суда, но он был помещен в следственный изолятор. Московские правозащитники и «Международная амнистия» активно боролись за изменение меры пресечения Шадрину, и он был освобожден из СИЗО 31 декабря 1996 года. Суд над ним до сих пор не состоялся.

Случаи 1997 года:

1. Рафаэль Усманов, правозащитник из Магадана. Был арестован по обвинению в клевете на судью Магаданского областного суда М.Д. Кривошею 25 марта 1997 года и сразу же помещен в СИЗО. Обвинение было основано на листовке, которую Усманов написал и распространял на митинге, устроенном для привлечения внимания общественности к беззаконию в деле Кимаковского, общественным защитником которого был Усманов. Адвокат Р. Усманова К. Несиян в заявлении по делу Усманова указал, что «если бы Усманов не был арестован и был бы допущен к участию в деле в качестве защитника Кимаковского, то вскрылись бы вопиющие факты коррупции и другие преступления весьма важных и влиятельных должностных лиц правоохранительных органов и лично прокурора области г-на А.А. Нейерди». Опять-таки усилиями московских правозащитников Усманов был освобожден 10 апреля 1997 года. Суда над ним не было до сих пор.

2. Алексей Суворов – общественный защитник из Архангельска. Против него 14 марта 1997 года было возбуждено уголовное дело «за вмешательство в разрешение судебных дел». Дело против Суворова возбудил судья Илсуков, которому Архангельский попытался дать отвод во время судебного разбирательства дела Михаила Желева. Выступивший по этому делу в качестве общественного защитника А. Суворов добился отмены вынесенного судьей Илсуковым приговора в кассационной инстанции. Суворов арестован не был, но дело против него не прекращено, хотя суд до сих пор не состоялся.

3. Олег Пазюра, правозащитник из Мурманска, арестован 26 мая 1997 года. Аресту предшествовало выступление Пазюры на встрече губернатора Мурманской области с правозащитниками. В своем выступлении Пазюра привел факты нарушения судами судебного процесса и факты о коррупции в органах прокуратуры. До сих пор борьба за изменение меры пресечения Пазюре не увенчалась успехом, он находится в заключении в СИЗО.